

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАБОТЫ ХОРЕЗМСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ АН СССР в 1952 г.

(Краткая информация)

В 1952 г. Хорезмская экспедиция АН СССР исследовала многочисленные пункты на территории древнего Хорезма. После завершения произведенных с марта по май 1952 г. на правом берегу Аму-Дарьи раскопок античных крепостей Кой-Крылган-кала¹ и Гяур-кала с начала июня 1952 г. работы экспедиции были перенесены на левый берег Аму-Дарьи. Эти работы продолжались с июня по октябрь и велись шестью отрядами и разведочной группой, работавшей в Сарыкамышской котловине на юго-восточной окраине Устюрта и в низовьях Узбоя — на южном протоке дельты этой древней реки, в урочище Аджайб. Упомянутые отряды вели работу в следующих пунктах: три отряда работали на землях древнего орошения Ташаузской области Туркменской ССР; первый из них — в районе урочища Уз; второй — на городище Шах-Сенем и третий, топографический, отряд вел работу по исследованию остатков ирригационной сети земель древнего орошения. Два отряда работали на верхнем отрезке русла Узбоя. Один из них осуществлял раскопки средневекового караван-сарая Талайхан-ата близ Куртыпских порогов Узбоя, другой детально исследовал памятники первобытной культуры (новый каменный и бронзовый век) на верхнем Узбое. Шестой отряд вел раскопки средневековой столицы Хорезма — Ургенча.

В настоящей краткой информации сообщается о работах всех названных отрядов, а также о работах Гяур-Калинского отряда². Отчеты о раскопочных работах расположены в порядке хронологии исследуемых памятников.

Работа на Верхнем Узбое (Кугунекский отряд)³

Задачей верхнеузбойского (Кугунекского) отряда экспедиции являлось обследование многочисленных памятников первобытной культуры Верхнего Узбоя, о наличии которых свидетельствовали результаты разведок 1951 г.⁴

¹ С. П. Толстов, Краткий отчет о работах Хорезмской экспедиции АН СССР по раскопкам памятника IV—III вв. до н. э.— Кой-крылган-кала, ВДИ, 1953, № 1, стр. 160.

² В работах экспедиции принимали участие 82 научных и научно-технических сотрудника и около 150 рабочих. Особо следует отметить работу молодых научных сотрудников, в тяжелых условиях пустыни весьма успешно выполнявших порученные им ответственные задания.

³ Начальник отряда М. А. Итина.

⁴ См. отчетную статью о раскопках 1950—1951 гг. (ВАН, 1952, № 4, стр. 53 сл.).

Отряд начал свою работу в районе Талайхан-ата и колодцев Бала-Ишем, обследовал все русло Узоя вплоть до колодцев Чарышлы и примыкающую полосу песков в 10—15 км шириной, а также районы древних приузобойских озер близ Орта-Кую и Геч-гельды, и, наконец, расположенную в 25 км к востоку от Узоя зону такыров у подъема на Заунгузское плато. В результате работ отряда было открыто более 40 новых стоянок новокаменного и бронзового века вдоль русла Узоя и 5 стоянок в районе такыров близ Заунгузского плато. Основная масса стоянок концентрируется вдоль русла Узоя, располагаясь непосредственно на берегу или в 200—300 м от русла.

Среди неолитических стоянок по руслу следует особо выделить три: Бала-Ишем 8, Бала-Ишем 9 и Чарышлы 1. Из них две первые находились на левом берегу Узоя, севернее колодца Бала-Ишем. Стоянка Бала-Ишем 8 была обнаружена в песчаной котловине в 300 м от берега. Здесь найдено 158 кремневых заготовок и орудий, среди них концевые скребки на пластинах, скребки на отщепках, в том числе скребки высокой формы, большое количество вкладышей. Помогают в установлении даты стоянки находки двусторонне обработанного наконечника стрелы с выемкой в основании и двух бусин, сделанных из раковин с просверленными в них круглыми отверстиями. Видимо, в эпоху неолита этот тип бус был широко распространен на Узое, так как подобная же бусина была обнаружена на берегу одного из протоков Узоя в 4—5 км юго-западнее колодца Геч-гельды, а на стоянке Чарышлы 1 (в 5 км южнее дороги Куня-Ургенч—Чарышлы) была найдена раковина — заготовка такой бусины.

Стоянка Бала-Ишем 9 располагалась непосредственно на берегу. Здесь найдено 579 кремней, из них 129 орудий. Типы орудий те же: скребки на пластинах, на отщепках, выемчатые ножевидные пластины. Найдены два наконечника стрел миндалевидной формы с двусторонней обработкой.

Стоянка Чарышлы 1 находилась на левом берегу Узоя, на мысу, образованном основным руслом и отходящим от него к северо-востоку протоком. Культурный слой был смыт, и все находки были сделаны на склоне берега. Здесь найдено 555 кремней, из них примерно 75 орудий вышеуказанных типов, и два наконечника стрел, один из которых имеет выемку в основании. По типу орудий стоянка эта ничем не отличается от типичных неолитических стоянок Верхнего Узоя, зато она выделяется среди них по материалу, из которого сделаны орудия (рис. 1). В большинстве случаев верхнеузобойские микролиты изготовлены из серого или белого непрозрачного кремня, а здесь мы имеем дело с темносерым и черным, прозрачным и непрозрачным кремнем, причем самое интересное то, что здесь в большом количестве найдена кремневая галка того же цвета, служившая сырьем для изготовления этих орудий. Указанные стоянки являются наиболее крупными неолитическими стоянками, найденными по берегам Узоя.

Однако поселения первобытного человека располагались не только вдоль русла, но и вдали от него, иногда на расстоянии 5—10 км и более. В этих случаях люди селились на берегу озер, которые сохранились до настоящего времени в виде такыров.

Крупная неолитическая стоянка такого типа — Кугунок 22; она расположена на берегу небольшого озера в 16 км к северу от колодца Бала-Ишем и в 4 км к востоку от русла, прямо у дороги Бала-Ишем — Чарышлы. И здесь культурный слой смыт, но тем не менее обнаружено 800 кремней, из них 150 орудий. Орудия снова повторяют верхнеузобойские, но здесь можно упомянуть еще девять хороших проколов, не встречавшихся на предыдущих местах. Вообще надо сказать, что инвентарь этой стоянки чрезвычайно походит на микролитический кельтеминарский инвентарь правобережного Хорезма и Казахстана.

До сих пор на Верхнем Узое мы не располагали находками неолитической керамики. Работы этого года обнаружили такие стоянки, как Кугунок 1 (левый берег, 12 км севернее горы Кугунок), Кугунок 2 (левый берег, 5 км севернее г. Кугунок), Кугунок 4, 5, 6 (2—3 км севернее г. Кугунок), где в выдувах найдена явно неолитическая лепная посуда с черным изломом и серой поверхностью.

Находки эпохи бронзового века встречаются по всему руслу, но особенно их много в районе Кугунека. В песчаных выдувах, как по руслу, так и в отдалении от него, найдены кремневые наконечники стрел с очень тонкой ретушью, один из них со стоянки Кугунек 8 (3 км юго-восточнее г. Кугунек) — черешковый. В выдувах в районе стоянки Бала-Ишем 8 найден прекрасный бронзовый втульчатый наконечник дротика,

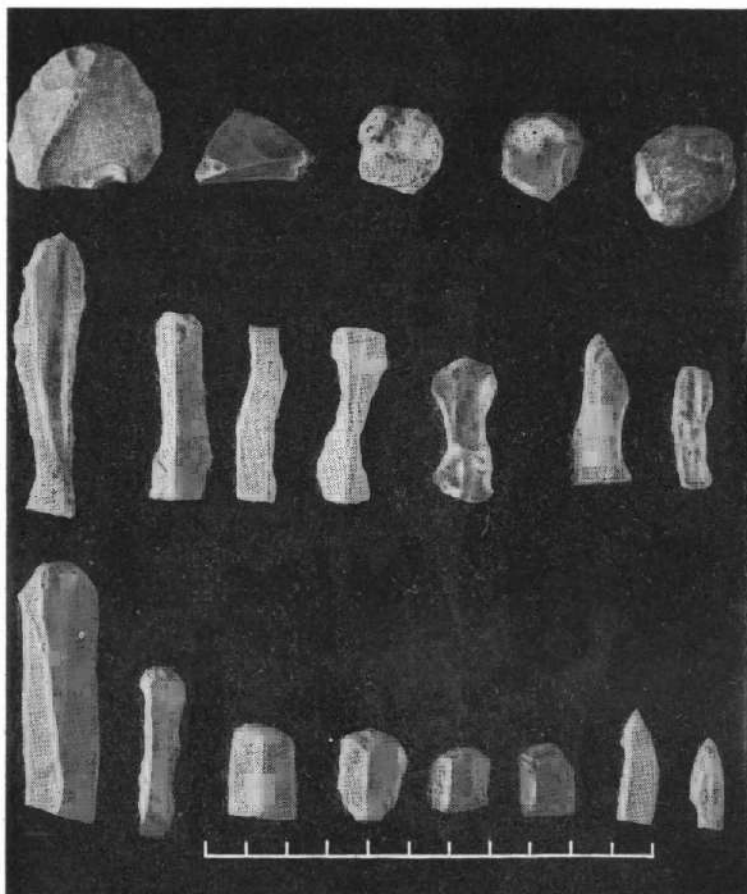

Рис. 1. Орудия верхнеузбойской культуры

который можно отнести к эпохе поздней бронзы. Однако наиболее массовый материал — керамика. Сосуды эпохи бронзы найдены главным образом в районе Кугунека, причем по формам и по орнаментации они находят себе прямые аналогии среди сосудов тазабагыянской культуры правобережного Хорезма. Таким образом, работы этого года еще раз подтвердили правильность высказанного нами ранее положения о том, что между населением Верхнего Узоя, и прежде всего северными, а не южными, по отношению к нему областями, существовали в эпоху неолита и бронзы оживленные связи.

Наконец, следует отметить, что отряд обнаружил по Узбою стоянки с грубой, лепной, «варварской» керамикой (например, стоянка Бала-Ишем 1) и бронзовые стрелы скифского типа, датируемые первой половиной I тыс. до н. э.

Таким образом, отряду удалось проследить непрерывность существования жизни в долине Узоя приблизительно с конца IV тысячелетия до н. э. до первой половины I тысячелетия до н. э. Античной керамики, как и во время работ 1951 г., отрядом не

было найдено вовсе, что подтверждает правильность нашего заключения в результате разведок 1951 г. о прекращении течения воды по Узбою не позднее середины первого тысячелетия до нашей эры. Обильные керамические находки на Верхнем Узбое появляются лишь в раннем средневековье; эти находки оказываются строго приуроченными к караванным тропам и караван-сараям¹.

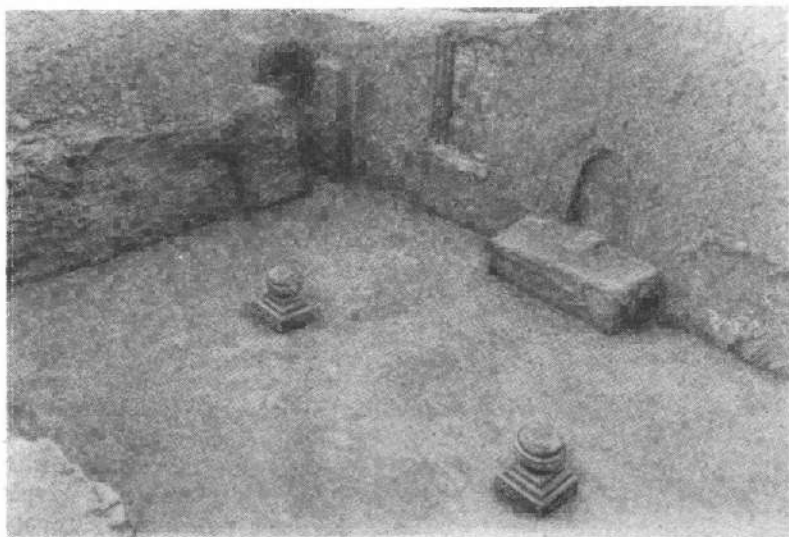

Рис. 2. Гяур-кала. Квадратный зал с базами колонн

Раскопки городища Гяур-Кала²

Городище Гяур-кала расположено на правом берегу Аму-Дарьи, в месте прорыва реки через западный отрог Султан-Уиздагского хребта. Крепость возведена на прибрежной скале и занимала командующее положение по отношению к реке и прибрежной сухопутной дороге. Крепость впервые была обследована в 1940 г.³. Тогда же она была датирована кушанским временем, примерно II—III вв. н. э.

Более детальное исследование этого памятника было начато в конце 1951 г. и продолжено в апреле — мае 1952 г.

С несомненностью установлено, что перед нами не город, а одна из пограничных крепостей, построенных, вероятно, кушанским правительством и защищавших с севера проход между рекой и горами на территорию Верхнего Хорезма. Основным объектом раскопок явилась северная часть крепости. Она примыкает к сохранившейся на всю высоту стене из крупного античного сырцового кирпича, являющейся прекрасным памятником фортификационной архитектуры Хорезма кушанского периода. Внутри крепости почти на всей площади на поверхность выходит скала. Вдоль северной стены сохранились остатки комнат, в которых, видимо, размещался гарнизон. Чрезвычайно интересен открытый в северо-западном углу крепости большой квадратный зал со стенами, покрытыми штукатуркой, на которой сохранились остатки росписи, с нишами, расположенными посередине каждой стены, и двумя поддерживавшими плоское перекрытие колоннами с прекрасно профилированными каменными базами (рис. 2).

¹ Об открытии Кугунокским отрядом средневековых ирригационных сооружений см. ниже, стр. 181.

² Начальник отряда Ю. А. Рапопорт.

³ С. П. Толстов, Древний Хорезм, стр. 115, 119, табл. 32, рис. 1—3.

При раскопках было обнаружено, что типичная для античных хорезмских крепостей двухэтажная стрелковая галерея в последний период существования крепости была заполнена кладкой из такого же античного сырцового кирпича, как и тот, из которого были сложены стены. Кирпичная закладка была,

как это обычно для памятников Хорезма этого времени, положена на песке. В этой-то закладке в щели, образовавшейся между нею и стеной стрелковой галереи, в непосредственном соседстве с вышеупомянутым квадратным залом, была сделана наиболее интересная находка — прекрасно моделированная мужская скульптурная голова, изваянная из тонко отмученной сырой глины и являющаяся одним из лучших образцов (с ней рядом может быть поставлена, пожалуй, только женская «красная голова» из Топрак-кала¹) реалистической, бесспорно, портретной скульптуры античного Хорезма (рис. 3). Скульптура изображает голову мужчины около 40 лет, с бородой, оставленной узкой полосой по нижнему краю нижней челюсти — форма бороды, еще недавно господствовавшая в Хорезме. Голова, размером несколько больше натуральной величины, увенчана остроконечной шапкой скифского типа. По определению антропологов², антропологический тип изображенного скульптором мужчины — европеоидный, но с несомненной, хотя и незначительной, монголоидной примесью.

Рис. 3. Гяур-кала. Мужская голова из необожженной глины

Во время земляных работ в районе крепости была обнаружена крупная терракотовая статуэтка слона, свидетельствующая, бесспорно, о тесных связях Хорезма с Индией в Кушанский период.

Нужно отметить также дренажный желоб, окаймлявший, очевидно, отмеченную выше полосу помещений северной части крепости; он был высечен в скале и обложен каменными плитами.

Во время земляных работ в районе крепости была обнаружена крупная терракотовая статуэтка слона, свидетельствующая,

Раскопки в урочище Уаз³

Во время работ в районе урочища Уаз центральным объектом явился наиболее крупный памятник этого района — городище Куня-Уаз⁴.

Это городище, квадратное в плане, общей площадью 307 на 307 м, обнесено мощной стеной из сырцового кирпича, достигающей высоты до 10 м. Городище разделено пополам внутренней стеной, идущей с северо-запада на юго-восток, к которой примыкают бугры развалин древних зданий. В четырех углах городища находятся пустыри, так что в целом внутренняя застройка городища имеет крестообразный характер.

¹ С. П. Толстов, По следам древнехорезмийской цивилизации, стр. 134, рис. 58.

² Т. А. Трофимовой, М. Г. Левина, М. М. Герасимова.

³ Начальник отряда Е. Е. Неразик.

⁴ С. П. Толстов, Древний Хорезм, стр. 118, рис. 59.

Раскопки были сосредоточены вдоль внутренней стены городища, где нами заложены три больших раскопа: один, наиболее крупный, — в центре и два — в районе примыкания внутренней стены к внешней. Эти исследования показали, что городище существовало очень длительное время. Древнейший слой вскрытый пока на незначительном участке, относится к кангуйскому времени — к первым векам до нашей эры. Наибольшее количество находок пока дали слои, относящиеся к кушанскому и особенно к ранне-афригидскому времени („Кушано-афригидский период“, (IV—V вв. н. э.). Городище было заселено также и в средне-афригидское время (VI—VIII вв. н. э.), но помещения этого периода почти полностью разрушены, и афригидская керамика находится только на поверхности городища. Средневековые помещения, относящиеся к IX — началу XI вв., расположены преимущественно вдоль гребня юго-восточной стены, где сохранились также средневековые башни, возведенные на античной стене. Подземный материал, собранный внутри городища, совершенно не дает средневековой керамики. Это, повидимому, свидетельствует о том, что в раннем средневековье городище существовало лишь в качестве пограничной крепости Хорезма, гарнизон которой был размещен в помещениях, расположенных вдоль стен (рис. 4).

Раскопки дали разнообразный материал, особенно ярко характеризующий ранее почти совершенно неизвестное нам время самого конца античного периода — IV—V в. н. э. Слой этот датируется многочисленными монетами, среди которых преобладают небольшие массивные монеты с изображением всадника на одной стороне и крестообразной тамги — на другой. Найдено несколько сасанидских монет.

В верхнем слое центрального раскопа был обнаружен ряд парадных комнат с высокими кирпичными очагами в центре, с глубокими нишами и лепными алебастровыми украшениями по стенам. В одной из комнат было найдено несколько сильно разрушенных оссуариев, содержавших человеческие черепа (с сильной искусственной деформацией) и кости конечностей. Большой интерес представляет изучение антропологического типа четырех целых черепов. По определению Т. А. Трофимовой, все эти черепа должны быть отнесены к монголоидному типу, причем весьма своеобразному, обнаруживающему черты сходства с уральским (ханты, манси) и североазиатским (эвенки) типом. Вместе с тем они близки к монголоидному типу, представленному в курганах Джеты-асара. Все это вместе заставляет предполагать в населении Куня-Уаза IV—V вв. н. э. преобладание эфталитского этнического элемента. Нужно отметить, что характер деформации куня-уазских черепов очень близок к типу деформации головы, характерному для изображений на эфталитских монетах. Фрагменты одного оссуария, сделанного из сырой глины, положенной на ткань, были покрыты росписью с растительным орнаментом в красных и черных тонах. Примечательна находка вместе с одним из черепов руки, сделанной из глины на железном каркасе, обтянутом тканью. Исключительно обильны находки бус. Найдено несколько ожерелий, состоящих из крупных бус, сделанных из полудрагоценных камней, резко отличающихся от ранее известных нам по раскопкам в Топрак-кала.

В комнате с оссуариями близ очага была найдена костяная пластинка, на обеих сторонах которой с большими изяществом выполнены цветные миниатюры эротического содержания; контуры изображений тонко прорезаны резцом. Это, насколько нам известно, первая в Средней Азии находка произведений античного искусства миниатюры. Из других находок произведений искусства должны быть отмечены две крупные каменные статуэтки; первая, изображающая женскую голову, представляет одно из лучших произведений позднеантичного хорезмского искусства; другая — изображение женского торса — сохранилась значительно хуже. Обе статуэтки, обнаруженные на поверхности городища, представляют собой первую в Хорезме находку произведений древней каменной скульптуры. Среди подземного материала особо должен быть отмечен фрагмент позднеантичного сосуда с штампованным изображением сцены, повидимому, религиозного характера. В центре изображена женская фигура с ребенком, по бокам — две женские фигуры с симметрично поднятыми по направле-

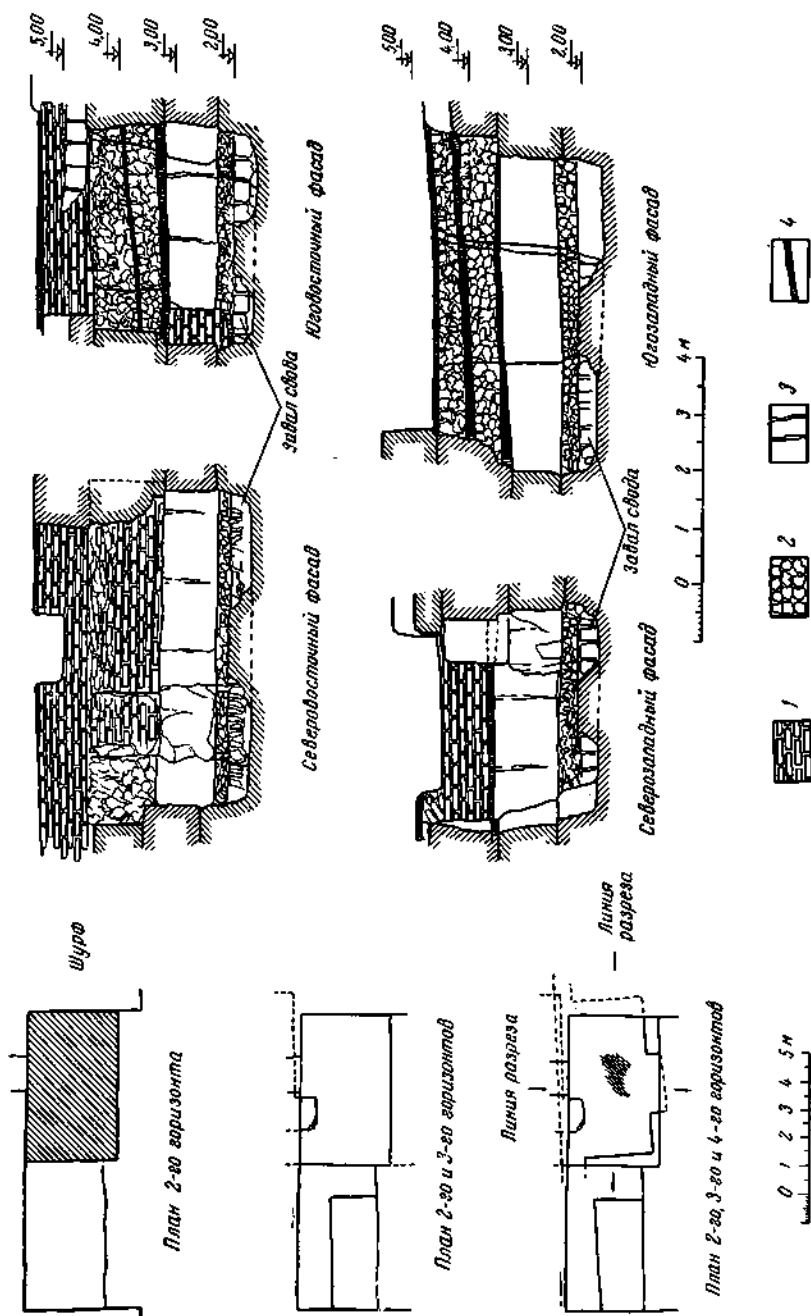

Рис. 4. Куял-Уаз. Стратиграфический разрез на одном из участков городища. Условные обозначения: 1 — сырцовые кирпичи; 2 — завал; 3 — пахса; 4 — поля

нию к центральной фигуре руками (рис. 5). Из произведений прикладного искусства отметим также оттиск на сырой глине миниатюрной печати с тонко выполненным изображением мужской головы. Найден обильный керамический материал, позволяющий сейчас полностью восстановить историю гончарного производства Хорезма этого времени.

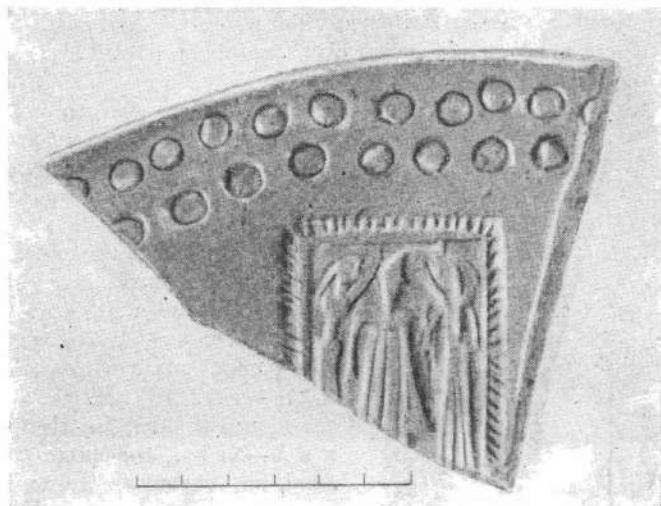

Рис. 5. Куня-Уаз. Фрагмент глиняной тарелки с трехфигурной композицией

В окрестностях Куня-Уаза сохранились многочисленные памятники сельской архитектуры XII—XIV вв.— развалины усадеб и замков. Особенно интересны открытые к западу от Куня-Уаза развалины обширного поселения с остатками домов, образующих целую улицу. Поверхность городища усеяна многочисленным подъемным материалом, преимущественно черепками высокохудожественной поливной керамики саманидского типа.

Раскопки городища Шахсенем¹

Городище Шахсенем², расположенное близ древнего канала Чермен-яб, является, как нами было установлено, развалинами ранне-средневекового города Субурны, упоминаемого в последний раз известным путешественником Якутом, посетившим этот город накануне монгольского завоевания. Название «Субурны» тюркского происхождения и может быть расшифровано буквально как «мыс воды»; смысл названия, видимо намекает на то, что город был расположен на самой окраине средневековых орошенных земель; этот факт действительно подтверждается археологическими наблюдениями.

Городище представляет собой неправильный многоугольный холм, поднимающийся на высоту до 9 м над окружающей местностью, причем гребень хорошо сохранившихся

¹ Начальник отряда Ю. А. Рапопорт.

² С. П. Толстов, Древний Хорезм, стр. 167.

внешних стен, окружающих холм, подымается еще выше, достигая местами 15 м. К югу от городища расположен обширный парковый комплекс с прекрасно сохранившимися угловыми павильонами и центральным зданием, одновременный с последним периодом существования городища — XII — начало XIII в.

К тому же времени относятся многочисленные развалины усадеб, мелкая ирригационная сеть, расположенная преимущественно к северу от городища, большое кладбище с открытыми при раскопках алебастровыми надгробиями на некоторых могилах и, наконец, расположенный примерно в 8 км севернее городища, обнаруженный в этом году обширный комплекс мастерских по изготовлению стекла и стеклянных изделий. Последний представляет собой уникальный объект для исследования истории техники народов Средней Азии.

Как показали раскопки, городище существовало непрерывно со времен античности (IV—III вв. до н. э.) до монгольского нашествия. Большой стратиграфический раскоп, использовавший естественную промоину на восточном склоне городища и давший разрез стены крепости с примыкающими к ней помещениями, показал, что крепость пережила четыре основных строительных периода, из которых первые три относятся к античной эпохе, а четвертый датируется временем расцвета Хорезма в XII — нач. XIII вв. (рис. 6). В ранне-средневековый период, в афригидское время, и в X—XI вв., городище также было заселено, но, очевидно, тогда использовались остатки хорошо еще сохранившихся античных сооружений. В северо-восточной части городища раскопками была вскрыта значительная площадь самого позднего строительного периода, а также частично и античного.

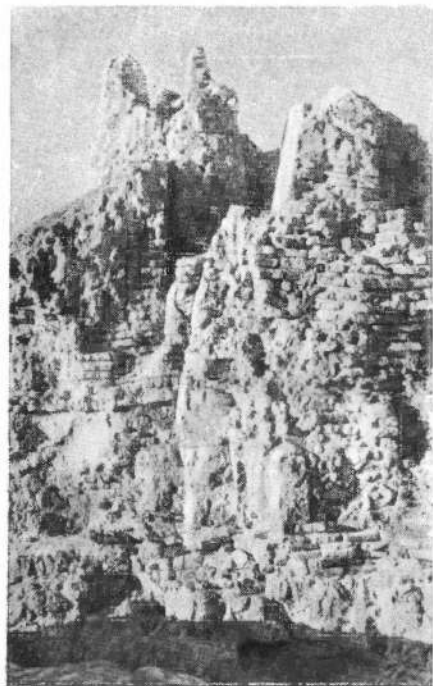
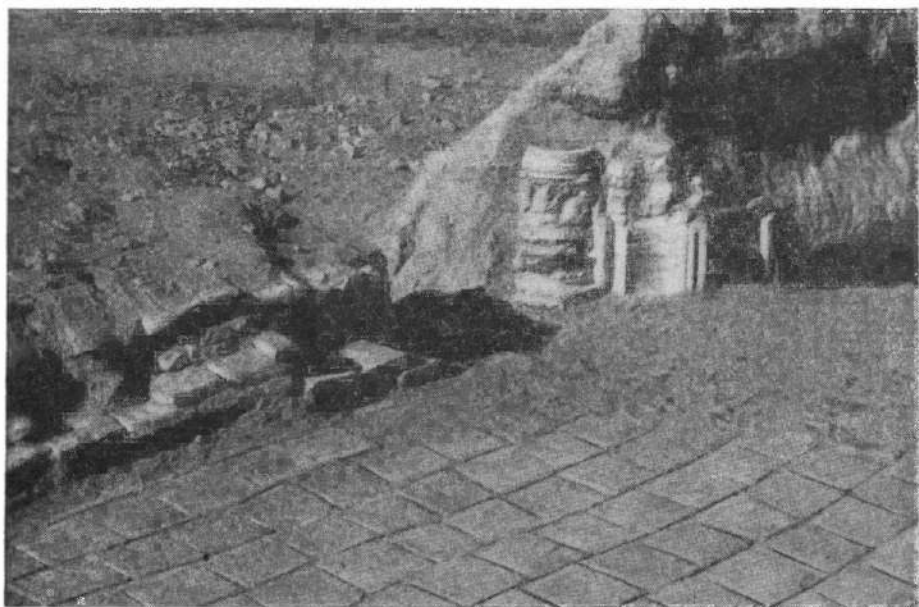

Рис. 6. Шахсенем. Разрез стены крепости.

Наибольший интерес представляет расчистка части центрального здания городища, представляющего собой развалины большой мечети, богато декорированной резным алебастром. Особенно высокую художественную ценность имеет раскрытый раскопками михраб (алтарная ниша) мечети с ажурными алебастровыми полуколоннами, украшенными разнообразным орнаментом и арабскими надписями (рис. 7).

Во время раскопок были сделаны многочисленные находки бытовых предметов и, что особенно важно, произведений прикладного искусства XII—XIII вв. Среди них особо должны быть упомянуты прекрасно сохранившийся бронзовый котелок (рис. 8) сплошь покрытый орнаментом и надписями, бронзовая же булава, много оригинальных стеклянных сосудов, несомненно, происходящих из вышеупомянутого центра стеклянного производства к северу от Шахсенем, костяные изделия, в том числе шпилька, украшенная изображением петуха, и др. Из находок в более ранних слоях следует упомянуть относящееся, по видимому, к афригидскому времени (VII—VIII вв.) крупное изображение грубо раскрашенного идола из несобожженной глины.

Особый интерес для истории культуры XII—XIII вв. представляет исследование крепостных стен городища. Несомненно воздвигнутые в XII в., они резко отличаются от обычного для этой эпохи типа среднеазиатских фортификационных сооружений, возрождая традиции античной фортификации. Стены построены из кирпича, размеры

1

2

Рис. 7. Шахсенем. 1 — вид на михраб мечети с декором из резного алебастра;
2 — деталь михраба

которого повторяют древние размеры (40×40×10—11 см); они, как и стены древних крепостей, имеют внутри двухэтажную стрелковую галерею открывающуюся наружу многочисленными стреловидными бойницами, также повторяющими античную форму с некоторыми отклонениями (верхняя часть бойниц античных крепостей имеет трехугольную, а шахсенемских — ромбовидную форму).

Этот факт не является единичным: так, стены средневековой крепости Ярбекир, расположенной к северо-западу от Шахсенем, также построены из кирпича античных размеров и пропорций, а сама планировка стен Ярбекира возрождает традиции так называемых городищ с жилыми стенами, относящихся к ранней античности. Аналогичные наблюдения сделаны не только в области строительного дела и фортификации;

Рис. 8. Шахсенем. Бронзовый котелок

раскопки других памятников, в частности Куня-Ургенча, показывают, что возрождение античных традиций имело место в XII—XIII вв. также и в области керамического производства.

Все эти факты позволяют со всей серьезностью поставить вопрос о распространении понятия «ренессанс» — «возрождения», в узком и первоначальном значении этого термина, также и на Среднюю Азию. Здесь, как и в Европе, время высшего подъема и расцвета культуры средневековья сочеталось со стремлением мастеров искусства того времени широко использовать забытые в предыдущий период традиции высокого искусства эпохи античности. Выяснение этих процессов в культуре Средней Азии возможно только при дальнейшем внимательном изучении экономической и политической жизни народов Средней Азии до тех страшных катастроф, которые далеко отбросили назад развитие этих народов.

Раскопки караван-сарая Талайхан-ата¹

Из четырех открытых нами в предшествующие годы средневековых караван-сараяв в районе Верхнего и Среднего Узбоя в этом году был подвергнут раскопкам памятник, расположенный в непосредственной близости от Куртышских порогов Узбоя — караван-сарай Талайхан-ата².

Рис. 9. Талайхан-ата. Вид раскопок с воздуха

Здание караван-сарая возведено из плит ракушечника и обожженного кирпич и представляет собою правильный круг диаметром 60 м. Внешние стены караван-сарая, сложенные из огромных плит ракушечника, сохранились на высоту до трех метров. В настоящее время вскрыто около половины площади караван-сарая и в основном выяснен характер его планировки и время его существования (рис. 9). Караван-сарай был построен не позднее начала XI в., разрушен во время монгольского нашествия и вновь отремонтирован с изменением внутренней планировки в конце XIII в. Прекратил свое существование караван-сарай в начале XV в.

Раскопками вскрыто входное сооружение караван-сарая, квадратный внутренний двор размером 24×24 м, окруженный со всех сторон относящимися ко второму строительному периоду крытыми террасами (айванами), примыкающие ко двору с двух сторон 18 жилых помещений и система водоснабжения караван-сарая. Последняя представляет особый интерес.

Посередине центрального дворика находится большая (диаметром 7 м, глубиной 3,5 м, емкостью 136,5 м³) цистерна (рис. 10), выложенная из обожженного кирпича, со спускающейся в нее лестницей и входящим со стороны, противоположной входу в ка-

¹ Начальник отряда О. А. Вишневская.

² См. С. П. Толстов, По следам древнехорезмийской цивилизации, стр. 303, а также упомянутую статью в ВАН, 1952, № 4, стр. 53 сл., рис. 3, 4.

раван-сарай, водопроводным желобом, который брал начало за пределами здания и служил для собирания дождевой воды с окружающих караван-сарай обширных такыров. Сохранившийся водопровод относится ко второму строительному периоду и сложен из кирпича послемонгольского времени. Более ранний водопровод, по всем данным находившийся в том же месте, не сохранился. О существовании его свидетельствуют только обломки глиняных водопроводных труб, найденные в засыпке близ кирпичного

1

2

Рис. 10. Талайхан-ата. 1 — цистерна (сардоба); 2 — водопроводный желоб, подводивший воду в караван-сарай с окружающих такыров

водопроводного желоба. Таким образом, можно считать окончательно установленным, что в XIII—XVI вв., так же как в предшествующий период, караван-сарай снабжался дождевой водой, собиравшейся с такыров. Поскольку же караван-сарай расположен непосредственно на берегу Узоя, вдоль русла которого проходила караванная тропа, это служит решающим доказательством того, что в XII — нач. XV в. в Узбое не было воды. Последнее окончательно опровергает гипотезу В. В. Бартольда о повороте вод Аму-Дарьи в Узбой после монгольского нашествия. Это не исключает, конечно, возможности кратковременных прорывов воды из Сарыкамышского озера в русло Узоя; отметим, что, по данным наших разведок 1952 г. в Сарыкамыше, такой прорыв мог иметь место в начале XV в., когда поверхность озера достигала около 50 м над уровнем моря.

Раскопанные помещения дают яркую картину жизни средневекового караван-сарая. Из многочисленных находок надо отметить большое количество фрагментов фляг для воды, множество железных изделий, в том числе лопата, ножницы и железная булава с дисковидным навершием, разнообразные керамические изделия и монеты.

На каменной стене входа в караван-сарай обнаружено большое количество вырезанных в камне надписей, относившихся к обоим периодам существования здания (рис. 11). Наиболее ранние из них вырезаны куфическим шрифтом. Все эти надписи представляют собой личные имена посетителей караван-сарая. Большая часть имен,

как и у современных народов Средней Азии, — арабского происхождения, некоторые — тюркского. В некоторых надписях наряду с именами имеются даты. Наиболее ранние из них относятся к концу XI в., более поздние — к XIV веку.

Рядом с караван-сараям были начаты раскопки большого комплекса помещений, существовавших также еще с XI в., в одном из которых найдена полностью сохранившаяся печь для обжига кирпича, относящаяся к началу XV в. (рис. 12). Печь оказалась загруженной еще не полностью обожженным кирпичом. Входное отверстие ее было замуровано и обмазано глиной. Это, повидимому, свидетельствует о том, что караван-сарай погиб внезапно, вероятно, в связи с какими-то военными событиями, которыми изобилвала эпоха падения государства тимуридов.

Раскопки городища Куня-Ургенч¹

Раскопки развалин Куня-Ургенча², средневековой столицы Хорезма, были сосредоточены в 1952 г. в основном на территории так называемой Таш-кала («Каменный город»), расположенной к югу от современного районного центра Куня-Ургенча и представляющей собой неправильный многоугольник 600×800 м, обнесенный глубоким рвом и высоким валом, в основе которого, как показали раскопки, лежит разрушенная стена из обожженного кирпича. На территории Таш-кала находятся развалины, известные под названием «ворот караван-сарая», и остатки ранне-средневекового минарета, рухнувшего, как известно, на рубеже XIX и XX вв. Остальные наземные памятники Куня-Ургенча, большой минарет XIV в. и ряд мавзолеев XII—XIV вв., расположены значительно севернее Таш-кала, за пределами ее стен. К западу и к востоку от Таш-кала расположены развалины круглых укреплений — Хорезм-баг и Ак-кала, на которых мы остановимся ниже.

Работы велись на трех основных участках: 1) в районе южных городских ворот Таш-кала; 2) в районе так называемых «ворот караван-сарая»; 3) в районе развалин ранне-средневекового минарета.

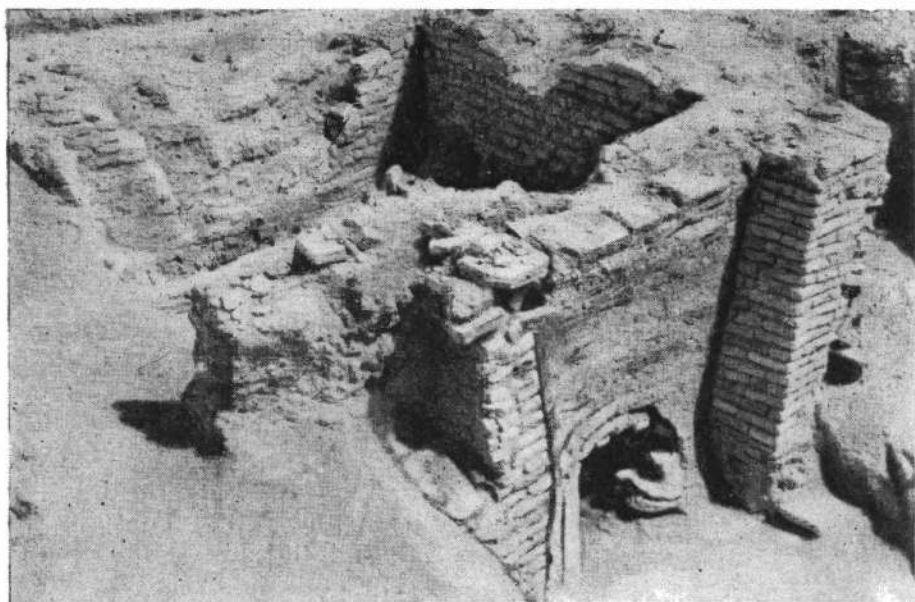
Большой интерес представляют раскопки в районе южных ворот, где внутри современного вала была обнаружена сохранившаяся на высоту 5,5 м городская стена, сложенная из обожженного кирпича, и ниже ее — облицовка рва из такого же кирпича. Глубина рва достигала 2,5 м. Внешняя облицовка стены состояла из кирпичной кладки шириной 1,65 м; далее располагались заполненные землей кирпичны

Рис. 11. Талайхан-ата. Часть надписи на стене караван-сарая

¹ Начальник отряда Н. Н. Вактурская.

² Внешнее описание памятников Куня-Ургенча было впервые осуществлено А. Ю. Якубовским («Развалины Ургенча», Л., 1930) на основании проведенных им в 1928 и 1929 г. рекогносцировочных работ. Результаты рекогносцировочных раскопок, проведенных этим же исследователем, опубликованы только частично (см. глава «Хорезм в керамике Сарая» в брошюре А. Ю. Якубовского «К вопросу о происхождении ремесленной промышленности Сарая Берке». Л., 1931 г.).

1

2

Рис. 12. Талайхан-ата. Печь для обжига кирпича. 1 — общий вид; 2 — загрузка печи

клетки, замыкавшиеся второй стеной, толщина которой была 0,8 м. Общая мощность этой кирпичной и земляной конструкции достигала 4 м (рис. 13).

Траншея, проведенная поперек рва, показала, что ров и примыкавшие к воротам участки стены были засыпаны во время разгрома города, имевшего место, судя по археологическому материалу, на рубеже XV и XVI вв. Наиболее вероятно, что этот штурм произошел во время осады города Шейбаниханом, подробно описанной в «Шейбани-намэ» Мухаммеда Салиха Хорезмийского¹. Вышеуказанная стена, судя по на-

Рис. 13. Куня-Ургенч. Восточная башня южных ворот

ходкам у ее основания и внутри земляной засыпи кирпичных клеток, была построена на рубеже XIV и XV в. уже после разрушения города Тимуром, на месте другой стены, остатки которой обнаружены в местах, где облицовка была разрушена. Эта более древняя стена сохранилась значительно хуже, на сравнительно небольшую высоту. Она несет на себе следы огня и, судя по размеру кирпича и находкам в ее основании, была построена после монгольского завоевания. Таким образом, в XIII—XIV вв. Таш-кала была, повидимому, цитаделью города Ургенча, занимавшего более обширную территорию и простиравшегося в период власти золотоордынских ханов значительно дальше к северу. Позднее, в XV—XVII вв., весь город помещался внутри стен Таш-кала, как показывает подъемный материал, относящийся к этому времени—за пределами Таш-кала он почти полностью отсутствует; на поверхности всего городища встречается в основном материал XIII—XIV вв. и в незначительном количестве — более ранних.

Раскопки на дне вышеуказанного рва показали, что до монгольского завоевания цитадель Таш-кала еще не существовала, так как стены домонгольских сооружений продолжают и за пределами стен более поздних укреплений, пересекая их в разных направлениях. Наиболее древний материал, найденный в шурфе на дне рва, относится к X—XI вв., но находки продолжают и глубже.

Жилые кварталы города XV—XVII вв. примыкают непосредственно к внутренней стороне стены. Прямо от южных ворот Таш-кала начинается главная магистральная улица, идущая на север мимо «ворот караван-сарая».

¹ Шейбани-намэ, соч. Мухаммеда Салиха, изд. Мелиоранского, джагатайский текст. СПб., 1908.

Раскопки в районе «ворот караван-сарая» вскрыли обширный городской квартал XV—XVII вв., расположенный на пересечении магистральной улицы, и другой перпендикулярной ей улицы, проходящей перед фасадом «Караван-сарая» (рис. 14). Раскопки городских кварталов XV—XVII вв. ценны в том отношении, что они раскрывают многие стороны жизни средневекового хорезмийского города. В районе перекрестка названных улиц были обнаружены многочисленные лавочки и мастерские ремесленников, открывающиеся на улицу непрерывно тянущимся рядом крытых террас (айванов). На одном из углов перекрестка располагалась чайхана, во внутреннем помещении которой было найдено большое число глиняных чайников и своеобразный «клад» — мешочек из хлопчатобумажной ткани, наполненный мелкими монетами, представляющими, видимо, выручку хозяина чайханы. Были открыты так-

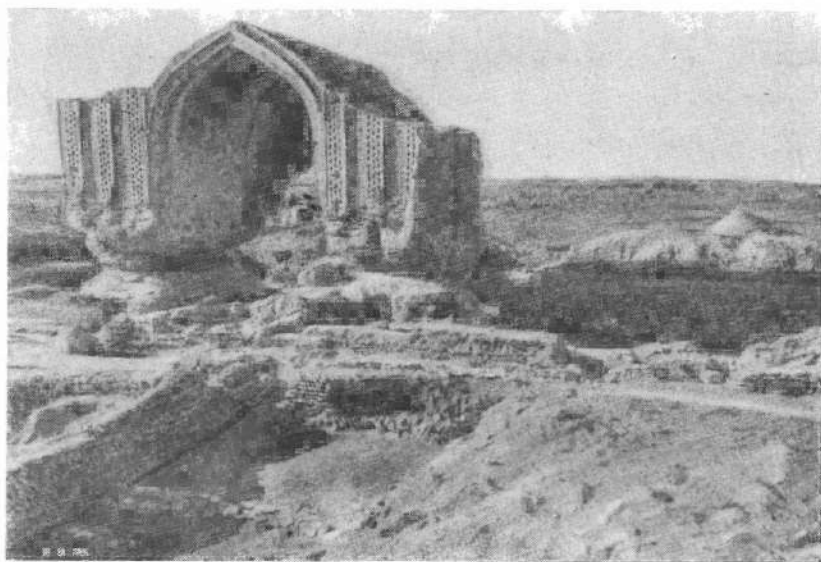

Рис. 14. Куй-Ургенч. Раскопки в районе портала караван-сарая

же столовые — ашханы, возле которых прямо на улице располагались большие котлы для варки пищи, рыбозарки, хлебопекарни с огромными хлебными печами (тандырами), кузнечная мастерская, баня и др. Жилые помещения как на этой базарной улице, так и в районе южных ворот, представляют не меньший интерес. Обнаружены крохотные жилища бедного ремесленного населения и пышно украшенные дома богатых жителей столицы (рис. 15, 16). Стены комнат богатых домов были отделаны алебастром с штампованным узором или красочной росписью. В каждом доме, независимо от его размеров, имелись лежанки, под которыми проходили отопительные сооружения типа китайских канов (рис. 17), кроме того — каменные умывальники (ташнау), очаги для приготовления пищи и др. Необходимо отметить, что все постройки средневекового Ургенча были возведены из кирпича зданий XIII—XIV вв. Кладка сооружений позднего средневековья отличается крайней небрежностью, таким образом, строительная техника этой эпохи значительно уступает технике более раннего времени.

Во время раскопок кварталов XV—XVII вв. были сделаны исключительно богатые находки бытового материала. Отметим многочисленные предметы керамического производства, которые в несколько измененном виде продолжают традиции XIII—XIV вв., но стоят значительно ниже по технике изготовления: тесто этих сосудов более грубое, стенки более толстые; характерное для XIII—XIV вв. кашинное тесто снова вытесняется цветной глиной.

Весьма важно отметить, что попрежнему продолжают интенсивные связи с Ки-

1

2

Рис. 15. Куня-Ургенч. 1 — раскопки улицы караван-сарая; 2 — остатки помещений по улице караван-сарая

таем. Найдено очень много китайских фарфоровых изделий с иероглифическими надписями на днище. Из других находок следует упомянуть разнообразные изделия из стекла, железа, бронзы, кости и рога: бронзовые и железные весы, наперсток, бронзовый флакончик, костяные предметы, близко напоминающие известные по славянским памятникам примитивные коньки для катания на льду, костяные кольца и, в частности, кольцо, надевавшееся стрелком из лука на большой палец («монгольский способ» стрельбы из лука), обработанные камни, служившие гирями, костяные и каменные подвески, разнообразные бусы и т. д.

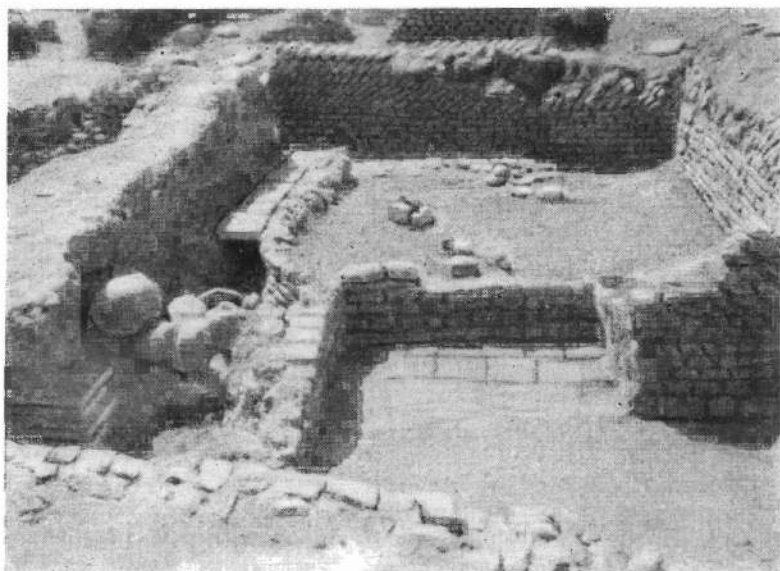
*1**2*

Рис. 16. Куня-Ургенч. 1, 2 — помещения по улице караван-сарая

На участке, непосредственно примыкающем к «воротам караван-сарая», датированном XIV в., раскоп был доведен до уровня улицы, современной «воротам караван-сарая». Это сооружение, представляющее высокую историко-архитектурную ценность, декорированное поливными и терракотовыми изразцами, до раскопок 1952 г. выходило на поверхность городища лишь на половину своей высоты. Сейчас оно расчищено полностью, что дало возможность произвести его детальный архитектурный обмер.

Раскопки в районе ранне-средневекового минарета представляют также большой исторический интерес. Как известно, в 1900 г. здесь была случайно найдена закладная плита этого минарета, датирующая его постройку 1011 г.¹ Поэтому до раскопок 1952 г. считалось, что тот минарет, который рухнул на рубеже XIX—XX вв., целиком датируется началом XI в. — временем первого периода расцвета ранне-средневекового Хорезма, царствованием хорезмшаха Ургенчской династии Мамуна-ибн-Мамуна. Однако история минарета была гораздо сложнее. Сохранилось только основание ранне-средневекового минарета вплоть до опоясывавшего его мраморного кольца (рис. 18). Во времена нашествия Чингисхана минарет, как и почти все другие здания Ургенча, был разрушен и восстановлен лишь в XIV в. Этот минарет XIV в., близкий по времени постройки к нынешнему большому куня-ургенчскому минарету, и простоял до конца прошлого столетия, как показывает построенное вокруг мраморного кольца над слоем завала времен монгольского нашествия новое, более широкое основание минарета, сложенное из мелкого кирпича золотоордынского времени, резко отличающегося от кирпича XI века.

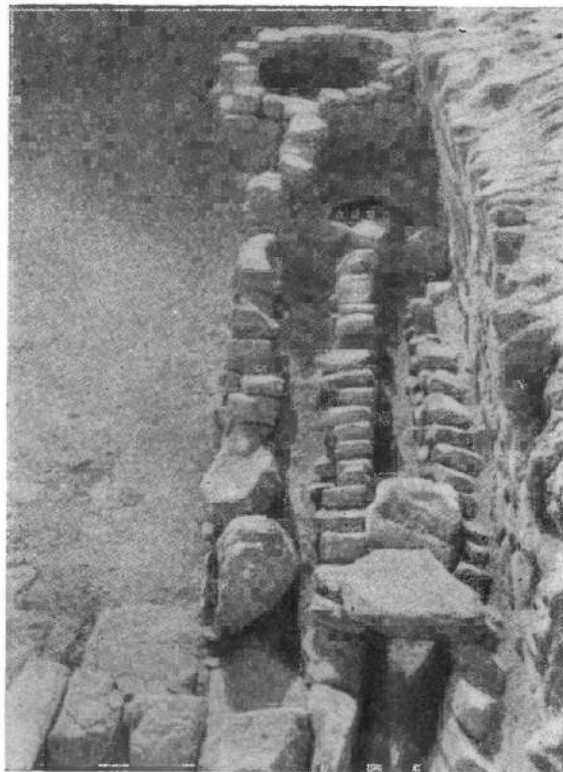

Рис. 17. Куня-Ургенч. Отопительные каналы в одном из помещений улицы караван-сарая

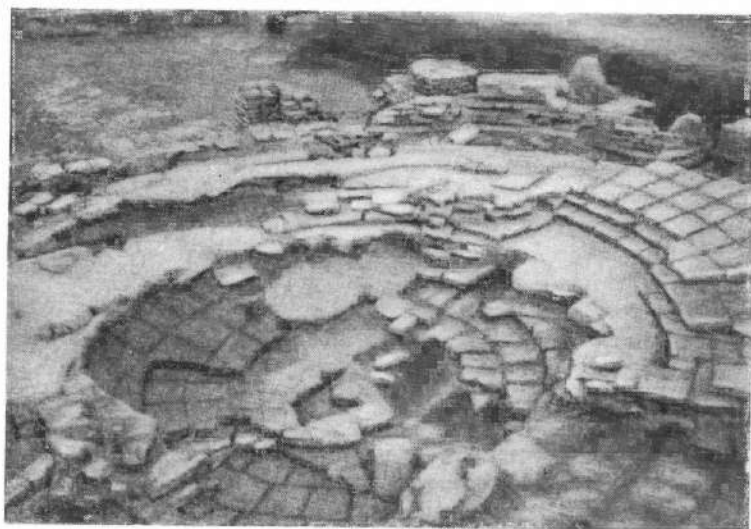
К минарету примыкает стена громадного здания мечети XI в., южный отрезок которой был также надстроен впоследствии кирпичом XIV в. Здание мечети возобновлялось и перестраивалось неоднократно. В настоящее время вскрыто не менее четырех строительных ярусов. Первые два относятся ко времени до монгольского нашествия; оба эти слоя характеризуются кирпичной кладкой пола и многочисленными каменными базами колонн в форме ступенчатых пирамид. Одновременно с восстановлением минарета на слое, образовавшемся после разрушения города и изобилующем находками человеческих костей и остатков оружия (обломки сабель), была воздвигнута новая мечеть совершенно иного архитектурного типа. Двор мечети окружали аркады,

¹ Н. Катанов. Хорезмийская свинцовая плита, найденная в развалинах Куня-Ургенча, ЗВО, XIV.

опиравшиеся на мощные кирпичные столбы, квадратные в плане. Видимо, после вторичного разрушения этой мечети во время нашествия Тимура аркады были также разрушены, и их место заняли подпирющие кровлю мечети деревянные колонны, опирающиеся на грубые каменные базы округлой формы. Что касается минарета, то в XV—XVI вв. с юга и с востока он был сплошь обстроен жилыми домами, стены которых непосредственно примыкали к его стволу.

1

2

Рис. 18. Куня-Ургенч. 1 — вид раскопок у минарета; 2 — вид остатков минарета сверху

Одновременно с раскопками в районе Таш-кала, Куня-ургенчский отряд произвел обследование всего обширного комплекса развалин Куня-Ургенча, в частности крепости Ак-кала и укрепления Хорезм-баг. Крепость Ак-кала, возведенная из мелкого сырцового кирпича, была, несомненно, воздвигнута на развалинах окраинной

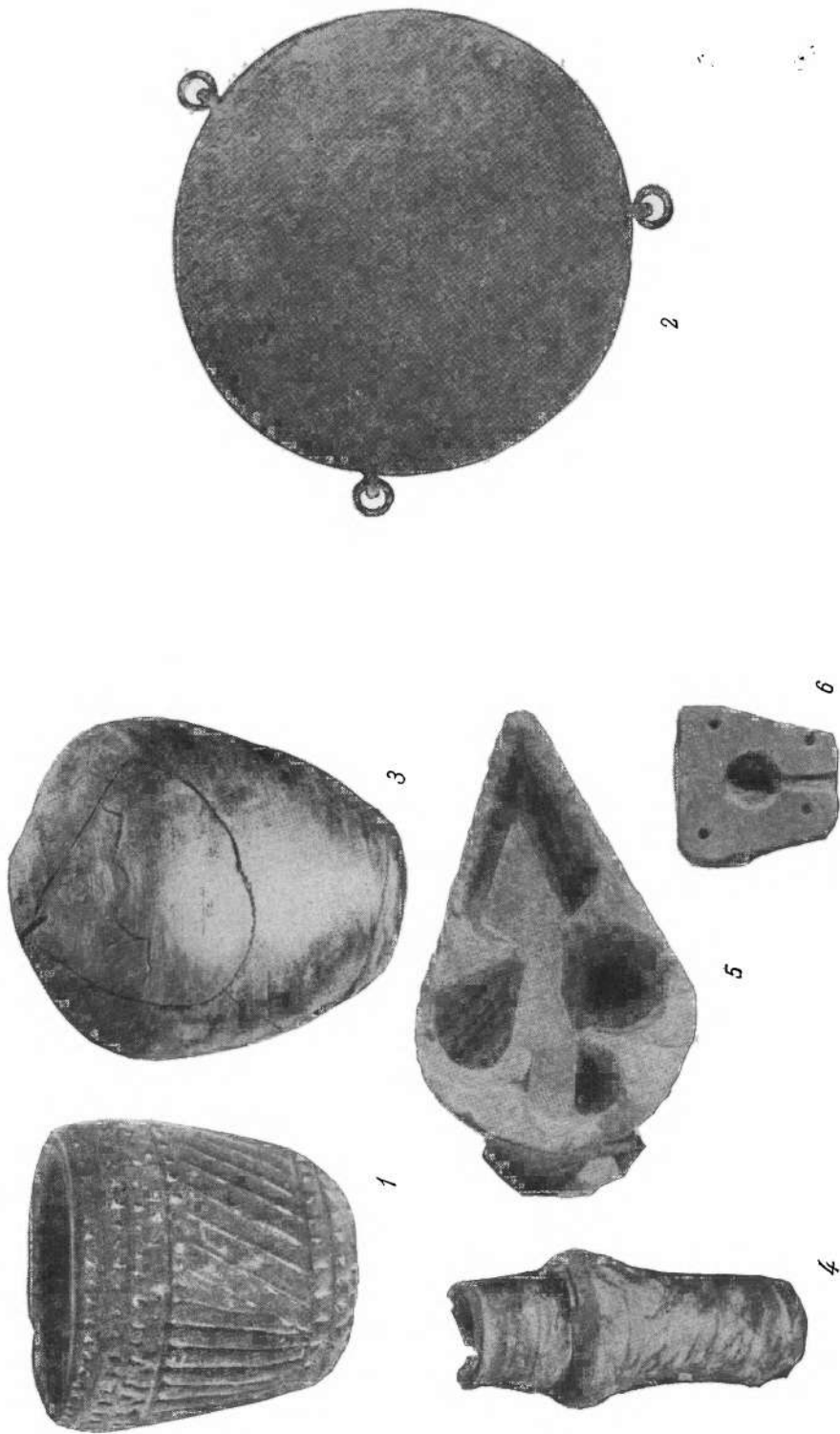

Рис. 19. Куня-Ургенч. 1 — сосудик «зеленой поливы»; 2 — бронзовая чаша весов; 3 — копилка; 4 — трубка от кальяна; 5 — каменный светильник; 6 — каменная литейная форма

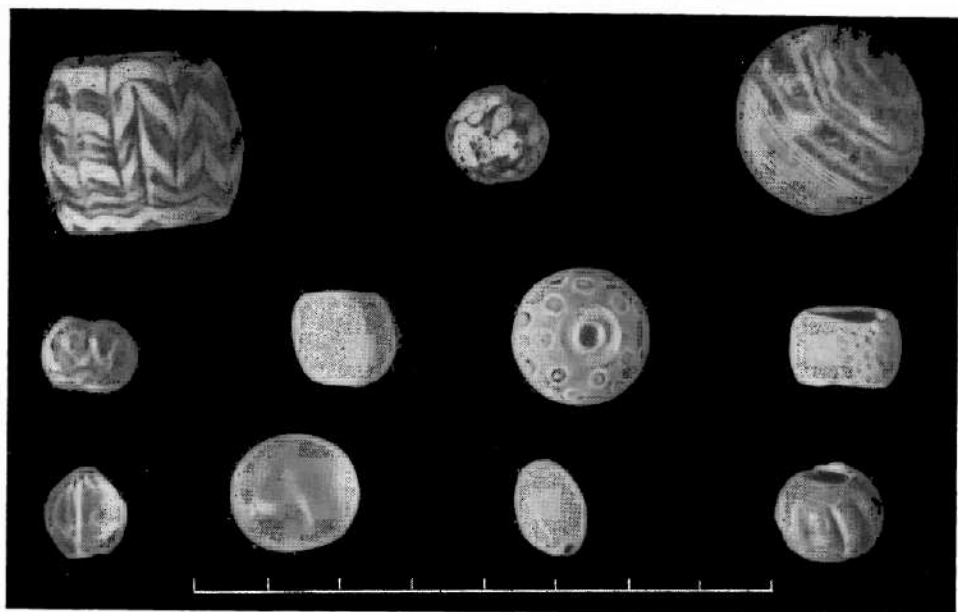

Рис. 20. Куния-Ургенч. Бусы

Рис. 21. Куния-Ургенч. Резная терракота

части города золотоордынского времени. Ее стены, башни и предвратные сооружения сохранились почти полностью. Система бойниц, несомненно, рассчитана на применение огнестрельного оружия. Весьма вероятно, что Ак-кала, примыкающая вплотную к стене Таш-кала, представляла собой укрепленную резиденцию узбекских ханов Хорезма XVI—XVII веков.

Большой интерес представляет результат обследования и разведочной шурфовки расположенного к западу от Таш-кала большого укрепления, известного под названием Хорезм-баг. До сих пор это сооружение приписывалось хивинскому хану Сеид-Мухаммед-хану, правившему в середине XIX в. С его правлением связана попытка возрождения пригации в районе к югу и к западу от Куния-Ургенча. Действительно, окружающий Хорезм-баг вал увенчан мощной глинобитной стеной, несомненно, отно-

сящейся к середине XIX в. Однако вал, лежащий в основе этой стены, принадлежит к гораздо более раннему времени. Найденный как на нем, так и на многочисленных буграх (остатках построек) подъемный керамический материал относится, несомненно, к XIII—XIV вв. Особенно интересна стена, разделяющая пополам квадратную в плане крепость Хорезм-бага. Эта стена идет с севера на юг, в центре ее расположен бугор развалин огромного здания. Бугор разрезан идущей параллельно стене глубокой траншеей зачистка склонов которой позволила вскрыть целый ряд помещений дворцового характера, относящихся к тому же времени — XIII—XIV вв. Обнаружено несколько строи-

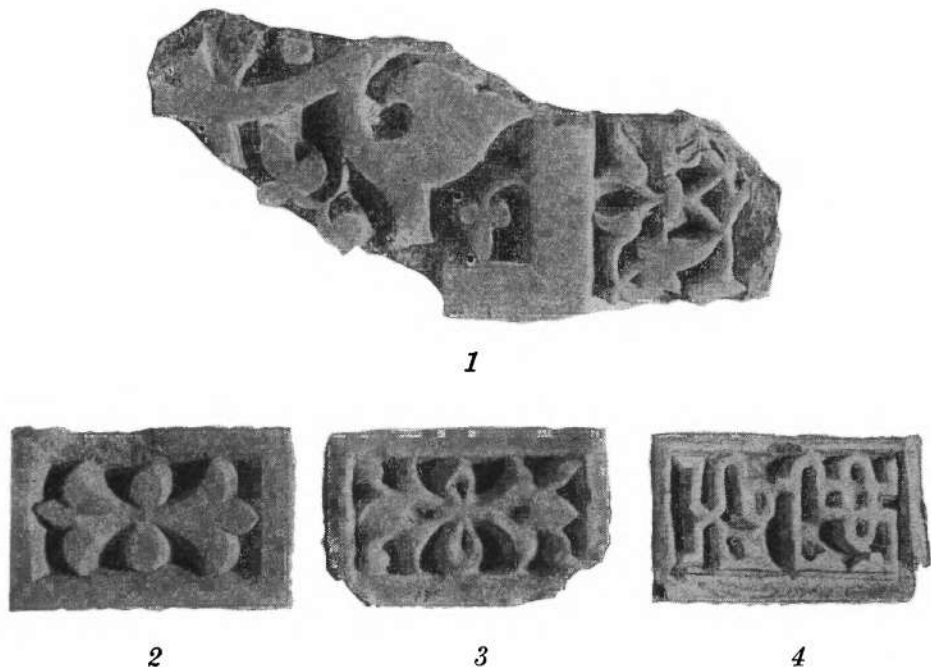
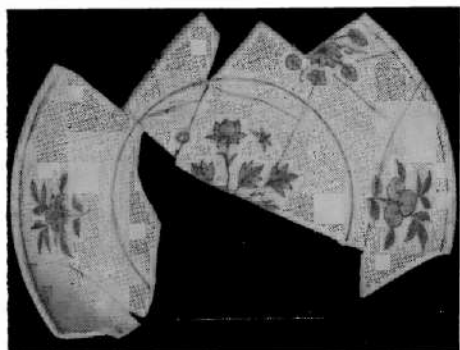

Рис. 22. Куня-Ургенч. 1 — резная терракота; 2, 3 — резные кирпичики, покрытые бирюзовой поливой; 4 — резная терракота, расцветенная бирюзовой поливой

тельных периодов этого здания, характеризующих кирпичными полами, над которыми найдено много фрагментов резного алебастра, в частности многочисленные фрагменты ажурных решеток, а также куски алебастровой штукатурки с многоцветной росписью. Наряду с этим, здесь найдены прекрасные образцы керамики XIII—XIV вв., среди которых выделяется дно чаши с изящным изображением быка, похожего на зебу. Согласно местной традиции, траншея, перерезывающая здание, была выкопана по приказу одного из хивинских ханов, который якобы нашел во время этих «раскопок» железный жезл весом в 40 батманов¹. По всем данным, перед нами крупное дворцовое здание, представляющее большой археологический интерес. Что касается всего комплекса Хорезм-бага, то в нем следует предполагать развалины пригородного замка правителей Хорезма золотоордынского времени.

Раскопки 1952 г. в Куня-Ургенче, уже давшие богатый исторический и историко-культурный материал (рис. 19, 20, 21, 22, 23, 24, 25), должны рассматриваться только как начало крупных археологических работ, которых бесспорно заслуживает этот великолепный памятник. В частности, настоятельно необходимо объявление всей территории развалин старого Ургенча археологическим заповедником всесоюзного значения.

¹ Хивинский батман равняется 48 фунтам. См. П. П. Иванов, Архив хивинских ханов XIX в., Л., 1940, стр. 55, прим. 1.

1

2

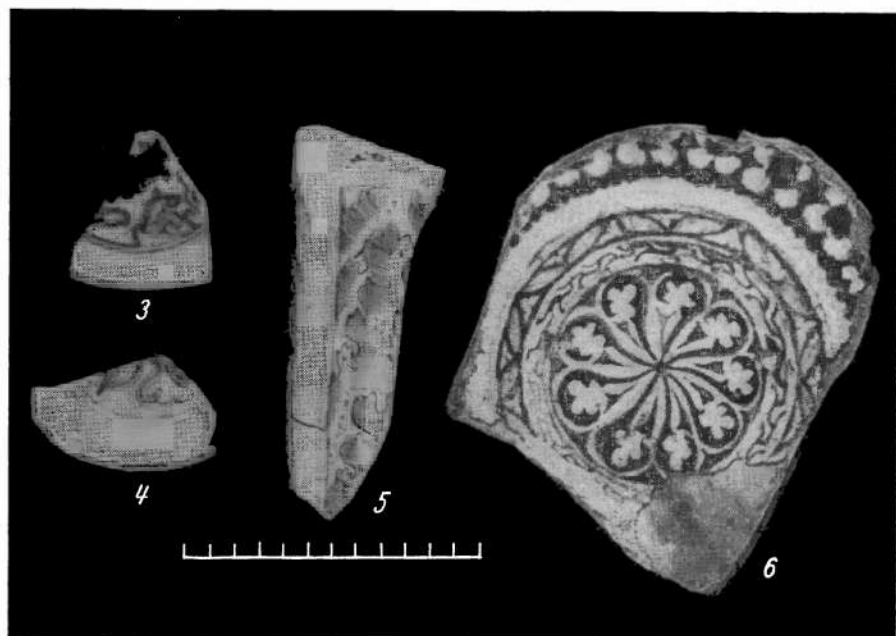

Рис. 23. Куля-Ургенч. 1, 2 — китайское фарфоровое блюдо (внутренняя и внешняя сторона); 3, 4 — обломки китайских фарфоровых сосудов; 5 — угол китайского фарфорового ларца; 6 — дно чаши

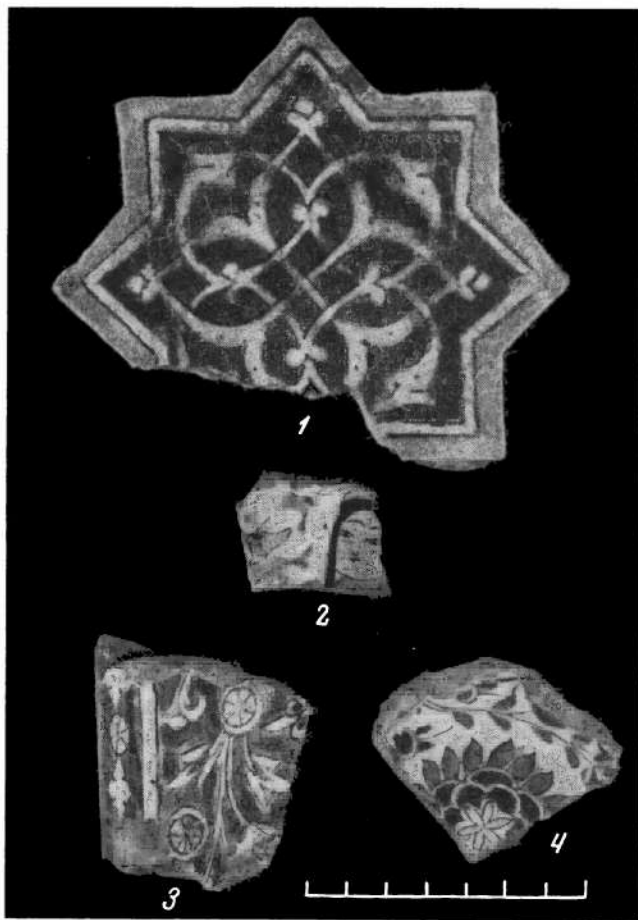

Рис. 24. Куча-Ургенч. 1 — поливная облицовочная плитка; 2 — обломок сосуда с изображением женского лица; 3, 4 — обломок изразцов с надглазурной росписью

Работы археолого-топографического отряда вдоль древнего канала Чермен-яб¹

Начатая в 1952 г. детальная археолого-топографическая съемка древних ирригационных систем, в частности земель древнего орошения Ташаузской области, ставила перед собою задачу уточнить и детализировать данные разведок предыдущих лет, обобщенных в схематической карте, опубликованной в 1948 г.² и тем самым дать детальную картину хронологии и условий функционирования древних каналов.

¹ Начальник отряда Б. В. Андрианов.

² См. «Схематическую археологическую карту Хорезма и сопредельных районов», приложенную к книге: С. П. Т о л с т о в, По следам древнехорезмийской цивилизации, М., 1948.

Центром работ в 1952 г. являлась зона древнего канала Чермен-яб. Тщательное обследование системы Чермен-яба позволило вскрыть сложную историю этого канала, имевшего два периода функционирования: — античный, начинавшийся с середины I тысячелетия до н. э. и обрывавшийся около IV в. н. э., и ранне-средневековый период, XII — начало XIII в., прерванный монгольским нашествием, после которого Чермен-яб уже не функционировал.

Оба периода резко различны по самому характеру сооружений. Каналы имеют различные истоки, русла их, имея общее направление, часто значительно расходятся, они весьма различны по размерам и по орошаемой площади.

Верховье античного русла канала прослеживается только от района к северу за развалинами Кызылча-кала, где исток канала теряется в протоках южного Даудана, одного из русел Сарыкамьшской дельты Аму-Дарьи. Это русло, по всем данным, еще функционировало в античный период, обходя с севера ряд ранне-античных крепостей, Калалы-гыр, Айртым (Калалы-гыр № 2), Кюзели-гыр. К северо-западу от последней, видимо, располагалась голова античного Чермен-яба¹, имеющего ширину ложа в 36—38 м при расстоянии между валами 18 м. Канал сохраняет примерно ту же мощность и ниже: в районе Гяур-кала ширина ложа 34 м, расстояние между валами 18 м. Канал в общем следует направлению продолжающих южный Даудан к юго-западу двух старых протоков Сарыкамьшской дельты, известных под общим именем Туны-Дарья, идущих к западу и востоку от возвышенностей Куи-сай и Шахсенем.

Рис. 25. Куни-Ургенч. Обломок сосуда с изображением быка

Параллельно каждому из русел идут два примерно равновеликих ответвления Чермен-яба, восточное из которых, однако, было значительно более освоено и продолжается значительно дальше к западу, вдоль южного обрыва возвышенности Тарым-кал. На этом канале расположены развалины Куи-Сай-кала (античное городище, впервые открытое в 1952 г.), Шахсенем и Гяур-кала.

Совершенно иного характера средневековый Чермен-яб. Он не имеет никакого отношения к Даудану. Его составляют два, повидимому, одновременных истока—один от системы современного канала Газават (Гази-абад, ранне-средневековый Мадра), другой—от системы современного Шавата (Шах-абад). Он идет отсюда почти прямо на запад до Кызылча-кала, где поворачивает на юго-запад, следуя сперва правому ответвлению античного Чермен-яба, отходящего к западу от возвышенности Куи-Сай, затем поворачивает от него влево и на половине дороги между Куи-Саем и Шахсенем сливается с левым ответвлением. Ниже Шахсенема средневековый Чермен-яб идет по руслу античного, давая в районе Гяур-кала два небольших ответвления, на которых он и заканчивается, далеко не достигая низовьев античного канала.

Размеры средневекового канала значительно меньше, чем античного. В районе Шахсенем ширина между валами средневекового Чермен-яба не более 12 м, близ

¹ Материал работ 1952 г., таким образом, подтверждает гипотезу, высказанную на основании результатов наших разведок 1939 г. Я. Г. Гулямовым в его докторской диссертации «История орошения Хорезма», 1949 г.

Гяур-кала — около 10 м. Культурная полоса значительно уже, чем в античный период. На южном ответвлении Чермен-яба, отходящем в юго-западном направлении от основного канала, в месте его поворота на северо-запад, в сторону Гяур-кала, обнаружены остатки значительного ранне-средневекового укрепления, площадью 360 × 250 м, расположенного близ бугра Нияз-хан. Центральное здание этого укрепления сложено из обожженного кирпича.

Античный канал в районе юго-западного мыса Тарым-кала постепенно переходит в проток, идущий в направлении к Канга-гыру, на северо-восточном мысу которого Сарыкамьшским отрядом была обнаружена крупная и очень своеобразная крепость античного времени, видимо, снабжавшаяся водой за счет сбросов вод Чермен-яба и подходящих с севера протоков Северного Даудана (Магыр-Дарья). Самостоятельной ирригационной системы эта крепость не имеет.

Сарыкамьшский разведочный маршрут

Основной задачей Сарыкамьшского маршрута, осуществлявшегося под моим руководством, было исследование ирригационной сети западного и восточного побережий Сарыкамьша. Эти сооружения были открыты нами во время авиаразведок 1950 г. О наличии каких-то ирригационных сооружений в районе спуска Агиныш на западном берегу Сарыкамьша мимоходом упоминает Глуховский (1893). В 1951 г. сооружения на востоке Сарыкамьша наблюдала А. С. Кесъ. В последние годы были высказаны различные предположения о времени действия этой системы и об источнике ее питания. Большинство считало эту сеть чрезвычайно древней, что якобы объясняет ее грандиозные размеры и весьма регулярный характер; многие считали, что она питалась в восточной части водами Даудана и Туны-Дарьи, а в западной — дождевыми водами с Устюрта. Наряду с этой точкой зрения высказывалось предположение, что она базировалась на водах Сарыкамьшского озера. Ни одно из перечисленных мнений, однако, не было подтверждено фактами.

Обследование позволило с полной достоверностью решить вопрос о времени функционирования и об источниках питания этой системы. Обильный керамический материал, собранный во всех точках исследования, охватывает время между XV и началом XVII в. Лишь одна находка может быть отнесена к XIV веку.

Ирригационная система опоясывала почти все побережье Сарыкамьшской низины, располагаясь не только по берегам собственно Сарыкамьшского озера, но и по берегам отдельных небольших озерных водоемов, находящихся на окраине котлованы, а также, как установил в 1952 г. Кугунекский отряд нашей экспедиции, на берегах ныне высохших озер верхнего Узоя, к юго-западу от колодцев Чарышлы.

Головные сооружения каналов были приурочены преимущественно к уровню 10—20 м над уровнем моря. На юго-западной окраине котловины отмечена замкнутая оросительная система, окружавшая небольшое озеро, головные сооружения которой были расположены значительно выше — на уровне около 30 м над уровнем моря. Наконец, вышеупомянутые сооружения Верхнего Узоя расположены еще выше — около 50-ой горизонтали.

Каналы имели в длину от нескольких сот метров до нескольких километров, располагаясь примерно в ста метрах один от другого, причем головные сооружения находились ближе друг к другу, чем хвостовые части каналов, так что в целом вся система представляла гигантскую веерообразную фигуру (рис. 26, 27, 28). В районе хвостовых частей каналов обнаружены следы юрт и землянок, а также многочисленные кладбища. На каждом из обследованных нами каналов на расстоянии от 45 до 140 м друг от друга располагались водоподъемные сооружения, которые поднимали воду от головного сооружения на постепенно повышающиеся уступы береговых террас. Поля с хорошо выраженными оросительными бороздками были обнаружены главным образом в наиболее высоко расположенной части системы.

Рельеф каналов с полной несомненностью свидетельствует об их относительно недавнем функционировании и подтверждает указанную выше датировку, установ-

ленную по керамическим материалам. Совершенно несомненным является факт питания всей этой системы водами Сарыкамышского озера, которое, следовательно, в XV—XVI веке было пресным и уровень которого колебался между 10—20 и 50 метрами над уровнем моря, что могло, несомненно, обусловить кратковременный прорыв сарыкамышских вод в русло Узбою (напомним, что до начала XV в., по данным раскопок Талайхан-ата вода по Узбою не текла). Вопрос об относительной хронологии верхних и нижних оросительных систем Сарыкамыша подлежит уточнению.

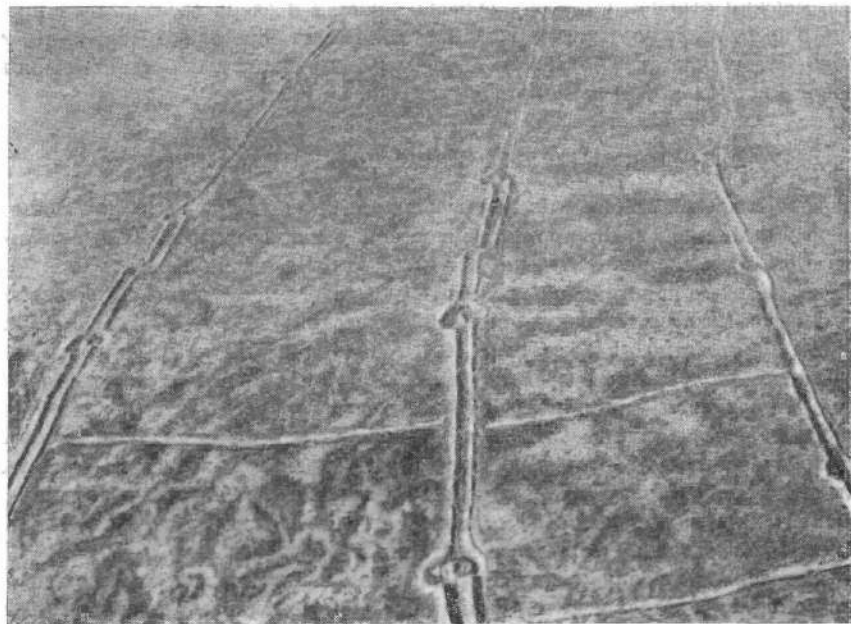

Рис. 26. Ирригация Сарыкамыша. Аэрофото

На существование в конце XV и в середине XVI в. большого Сарыкамышского озера указывают независимые показания двух источников, причем во втором из них прямо говорится о пресном характере озера. Я имею в виду, во-первых, показание анонимного автора стихотворного рассказа о взятии Шейбани-ханом в 1488 г. расположенного в дельте Дарьялыка города Адака (ныне городище Ак-кала), на берегу бывшего восточного протока Дарьялыка Куруджа-Узяк¹, где говорится, что этот город лежал на берегу обширного водоема, именуемого источником «Кара-тенгиз» — «Черное море». Во-вторых, показание английского путешественника Дженкинсона, который рассказывает, что во время своего путешествия с Мангышлака в Куя-Ургенч (1558) он вышел на берег «залива Каспийского моря, где нашли с в е ж у ю п р е с н у ю воду». На карте Дженкинсона этот «залив» помещен на З.—Ю.-З. от развалин Дэв-кескена, что полностью исключает возможность видеть в этом «заливе» расположенные на север от Дэв-кескена Айбугир (к тому же отделенный от Дэв-кескена не более чем одним переходом) или Барса-кельмес. Перед нами, несомненно, один из пунктов на северном побережье Сарыкамышского озера.

Таким образом, показания археологических памятников согласуются с данными письменных источников, игнорировавшихся до последнего времени в географической литературе.

¹ См. С. П. Толстов, По следам древнехорезмийской цивилизации, стр. 313 сл.

Рис. 27. Ирригация Сарыкамьша

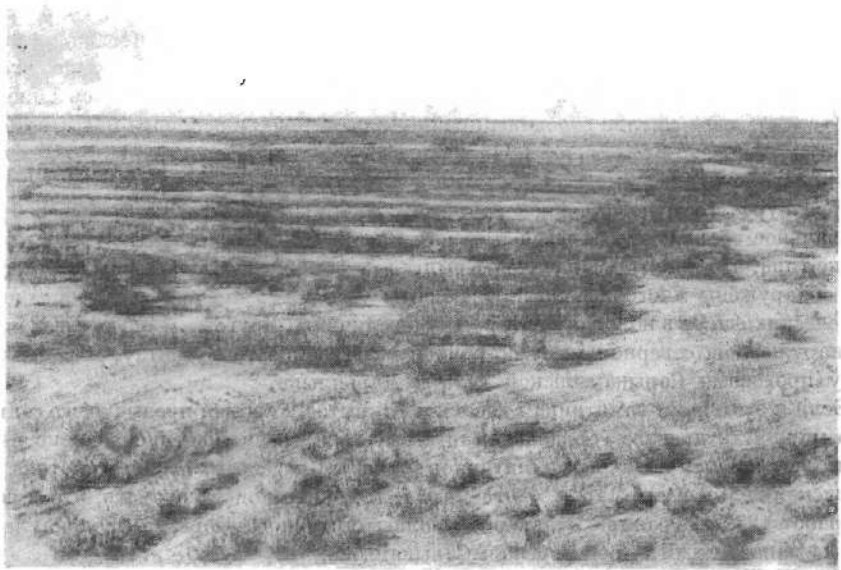

Рис. 28. Оросительные борозды в районе Сарыкамьша

Обследованный нами район Сарыкамьшской ирригации, по данным историка XVII в. Абульгази-хана, был заселен туркменским племенем адаклы-хызыр, которое, очевидно, создало всю эту грандиозную оросительную систему, занимавшую площадь не менее 50 тыс. га.

Таким образом, в итоге наших работ можно считать установленным:

1. Существование в XV—XVI вв. огромного пресноводного Сарыкамьшского озера с поверхностью, колеблющейся между 10-ой и 50-ой горизонталями.
2. Грандиозная и сложная оросительная система окраин Сарыкамьшской котловины была создана туркменским земледельческим населением этого района — факт исторически очень важный и свидетельствующий о древних земледельческих традициях и навыках туркменских племен, которых в литературе нередко еще рисуют как вчерашних кочевников.

Устюртско-Аджаибский разведочный маршрут

После завершения раскопочных работ сводный разведочный отряд экспедиции под моим руководством выехал для разведок в оставшиеся еще не обследованными области на западных границах Хорезма. Этот маршрут занял время с 19 октября по 15 ноября 1952 г. Основными объектами разведок были:

- 1) район урочищ Айбугир, Ербурун и возвышенность Бутентау (к северу от Сарыкамьшской котловины);
- 2) район русла Аджаиб — южного протока нижнего Узоя, оставшегося необследованным во время Узбойского маршрута экспедиции в 1951 г.

В первом из этих районов было открыто большое количество ранее неизвестных археологических памятников, расположенных вдоль обрыва Устюрта и возвышенности Бутентау. Отметим сначала два вновь открытых античных поселения, расположенных далеко на северо-запад от ранее нам известных. Первое — городище Большая Айбугир-кала. Городище было впервые обследовано нами с воздуха в 1947 г., причем внешний вид памятника во время аэроразведок позволил предположительно датировать его средневековым. Наземное обследование этого года показало, что хотя внешняя стена памятника была подвергнута ремонту и перестройке в средние века, однако средневековый слой городища крайне незначителен и основная масса материала относится к первым векам н. э. Особенно интересна обследованная экспедицией башня расположенная в центре городища, во внутреннем помещении которой был заложен шурф. Исследования показали, что башня представляет собой своеобразное погребальное сооружение, внутри которого оказалось большое количество оссуариев того же типа, что и на городище Кой-Крылган-кала¹. Как и там, в башне Айбугир-кала были обнаружены многочисленные фрагменты увенчивающих оссуарии терракотовых человеческих фигур в половину натуральной величины. Другое античное поселение было обнаружено на северном мысу островной возвышенности Бутентау, расположенной между протоками Сарыкамьшской дельты Дарьялыка.

Если к этим двум памятникам добавить открытые во время предыдущего сентябрьского маршрута древнее городище Канга-гыр-кала, расположенное далеко на юго-запад от остальных античных памятников Хорезма, на берегу южного протока Сарыкамьшской дельты Аму-Дарья Канга-Дарья, то можно констатировать, что в результате работ 1952 г. граница культурной полосы античного Хорезма продвинулась далеко на запад, вплоть до побережья Сарыкамьша.

Вновь открытые средневековые памятники этого района оказались относящимися к различным хронологическим периодам. Большинство из них представляет собой разного рода оборонительные сооружения, возведенные на северо-западных границах Хорезма, вдоль обрыва Устюрта. Здесь должны быть отмечены прекрасно сохранившиеся многочисленные каменные сигнальные башни, воздвигнутые в XII—XIII вв. в период расцвета империи Хорезмшахов (рис. 29).

¹ См. С. П. Толстов, ВДИ, 1953. № 1, стр. 160 сл.

Далее большой интерес представляет сложенная из каменных плит стена длиной в 3 км, отрезавшая один из южных мысов Устюрта, на котором расположено крупное городище Дэв-кескен-кала.

Весьма важна крупная крепость на мысу Устюрта в северной части урочища Ербурун-кала, постройка которой также датируется временем «Великих Хорезмшахов». Городище имеет лишь одну стену, отделяющую мыс от основного массива Устюрта. У подножия стены расположен глубокий, высеченный в скале ров, сама же стена сложена

Рис. 29. Сигнальная башня на плато Устюрт

из больших плит тщательно отесанного камня со сложной системой башен и предвратного сооружения. На самом мысе находятся остатки построек, в которых был размещен гарнизон и высеченные в скале цистерны для воды. Особенно интересным оказался проход с городища в низину урочища Ербурун, через расщелину с тщательно отесанными стенами, круто спускающийся на глубину около 40 м. В целом ряде пунктов по верхнему краю Устюрта были обнаружены весьма своеобразные сооружения, выложенные из щебня или каменных плит и представляющие систему симметрично расположенных ровов, длинных насыпей и круглых углублений. Эти сооружения неизвестного назначения находятся, как правило, на мысах Устюрта. Керамический материал, собранный на них, очень беден, относится он к средневековью; наличие такого же сооружения близ Ербурун-кала, несомненно, более позднего, чем эта крепость, позволяет считать их позднесредневековыми. Возможно, что они представляли собой охотничьи загоны.

Чрезвычайный интерес представляет впервые открытый нами в 1952 г. громадный «пещерный город» на восточном обрыве Бутентау. Здесь зарегистрировано несколько сот высеченных в скале обрыва пещер, расположенных в два, а иногда и в три яруса и совершенно недоступных без специальных лестниц (рис. 30). Каждая из этих пещер (нам удалось добраться только до одной из них) имеет выходящую на плоскость обрыва дверь и окно. Против окна в обследованной пещере располагался очаг. Эта пещера, благодаря своей большей доступности, видимо, использовалась в начале XX в. Однако нам удалось выявить целый ряд разрушившихся пещер, в осыпях которых была обнаружена обильная керамика XII—XIII вв. Более ранней керамики нигде не было. Если учесть, что в ближайшем соседстве с этими пещерами был расположен

поздне-средневековый город Адак (впервые открытый нами во время разведок 1947 г., повторно обследованный в этом году), датируемый XVI столетием, мы склонны предполагать, что время существования пещерного города относится к более раннему времени — раннему средневековью.

Вопрос о причинах возникновения такого своеобразного изолированного поселения остается неясным. Надо отметить, что пещерные поселения значительно меньших размеров были нами зарегистрированы и в ряде участков обрыва Устюрта.

По окончании вышеописанных работ экспедиция перенесла свои исследования в район восточного побережья Каспийского моря — урочище Аджайб. Этот район до

Рис. 30. Пещерный город на склоне возвышенности Бутентау

сих пор не подвергался археологическим исследованиям и является весьма труднодоступным районом, из-за отсутствия воды и из-за тяжелых гряд песка, непроходимых для автотранспорта. Разведку пришлось провести на верблюдах.

Особенно большой интерес представляет здесь открытое нами урочище Куня-Огурджа, расположенное в самых низовьях Аджайба и представляющее собой вытянутый песчаный остров (площадью $3 \times 0,5$ км), со всех сторон окруженный солончаками — шорами, в том числе с запада шором Аджайб. На изданных до сих пор картах наименование этого урочища дается неправильно, например, на современной карте — «Куня-Орджа». Карелин и Бларамберг (1836) называли эту местность «Куня-Базар». Между тем уточнение названия у местного туркменского населения дает нам возможность заключить, что именно об этом пункте говорит хивинский историк XVII в. Абульгази-хан при описании низовьев Узбоя. Побережье Куня-Огурджа представляет собой поздне-средневековое туркменское поселение, тянущееся сплошной полосой в 50—60 м вокруг всего острова. Поселение датируется XV—XVI, возможно, концом XIV в. Характер найденных там памятников, несомненно, свидетельствует о том, что оно было заброшено в результате какой-то катастрофы. Сохранились остатки юрт, деревянных дверей и других деревянных предметов, кошмы, полы, сооруженные из кирпича, и огромное количество разнообразнейшей керамики, в основном — целых сосудов, начиная от поливных чаш и кончая большими, своеобразной формы хумами (крупные корчаги для хранения воды и продуктов) (рис. 31).

На других песчаных островах, расположенных между шорами, мы наблюдаем аналогичную картину, но в более скромных размерах. Другими словами, перед нами большой поздне-средневековый центр расселения приморских туркменских племен (в основном, повидимому, племени огурджали), расположенный на прибрежных островах Каспия, стоявшего в те времена, как известно, на значительно более высоком уровне. Чрезвычайно любопытная находка сделана в этом же районе, в урочище Кара-баба, где расположено обширное, размытое морскими водами и развеянное, кладбище. В центре кладбища находятся остатки деревянного мавзолея, сложенного, как передает местная традиция, из обломков русского корабля. Этот памятник, очевидно, пред-

Рис. 31. Куня-Огурджи. Россыпи керамики

ставляет некоторый интерес для истории русского мореходства на Каспии в XVIII, а может быть, XVII в. Сооружение отмечается еще И. Ф. Бларамбергом¹, который, однако, сам не видел его, а передавал сведения, полученные им от туркмен. «Возле Аджайба находится урочище Кара-баба, весьма уважаемое туркменами; здесь стоит, как говорят, старинная деревянная изба, построенная неизвестно кем, и которую никто не отваживается уничтожить». Следовательно, уже в начале XIX в. вопрос о возникновении этого сооружения представлял загадку. Среди туркменского населения существует предание, что здесь был похоронен святой Кара-баба, предсказавший, что через месяц после его смерти близ острова потерпит крушение «астраханская шхуна», из обломков которой он велел соорудить себе мавзолей, что будто бы было выполнено.

•

Подводя итоги, мы можем отметить, что работы 1952 г. дали обильный новый материал для разрешения различных исторических и историко-географических проблем исследуемой области. Многие из научных выводов, к которым пришла экспедиция, по-новому освещают историю Сарыкамыша и Узбоя. Сюда относятся данные по поздне-средневековой истории ирригационной сети Сарыкамыша и района истоков Узбоя. Вместе с тем эти материалы вновь подтверждают новыми аргументами наши выводы о том, что история изменений гидрографической сети исследуемого района на протя-

¹ И. Ф. Бларамберг, Топографическое и статистическое описание восточного берега Каспийского моря. Записки РГО, 1850, кн. IV, стр. 83.

жении последних двух с половиной тысячелетий определяется прежде всего ходом социально-экономической и политической истории Хорезма.

Наши разведки дали возможность значительно расширить границы культурных земель античного Хорезма, доведя их до восточных и северо-восточных окраин Сарыкамышпа. Раскопки в Куня-Уазе впервые ярко осветили совершенно не известное до сих пор время самого конца античного периода, IV—V вв. н. э. Раскопки в Шахсенеме позволяют исследовать ряд темных вопросов истории культуры Хорезма времен «Великих Хорезмшахов» и установить, в частности, весьма важный факт сознательного использования в XII—XIII вв. давно забытых традиций искусства античного Хорезма. Наконец, раскопки в Куня-Ургенче впервые вскрыли облик поздне-средневекового среднеазиатского города, переживавшего период глубокого упадка. Последний был вызван страшными разгромами Чингисхана и Тимура и связанными с ними новыми периодами глубокой феодальной раздробленности, бесконечными феодальными усобицами и набегами кочевников.

Нет сомнения, что дальнейшее развертывание археологических работ даст возможность еще полнее и разностороннее осветить историю культуры Хорезма и прилегающих к нему с юго-запада областей и восстановить пока еще недоступные нам страницы истории народов Средней Азии.

С. Толстов

СУХО-ЧАЛТЫРСКОЕ ГОРОДИЩЕ

В дельте Дона и нижнем его течении расположено несколько городищ сарматского времени, представляющих значительный интерес. Наиболее замечательное из них Недвиговское, являющееся остатками древнего Танаиса; вблизи от него находится ряд более мелких городищ того же времени, довольно густо расположенных по берегам Дона и Мертвого Донца. Изучение этих городищ начато было еще П. П. Леонтьевым в пятидесятых годах прошлого столетия, но затем надолго заглохло. Довольно интенсивно обследовались они в 20-х годах XX в. повторными экспедициями А. А. Миллера и в 30-х годах — местными ростовскими краеведами. В последние годы эти городища, как, впрочем, и все остальные памятники дельты Дона, даже городище Танаиса, совершенно перестали изучаться археологами. Это тем более досадно, что нижнедонские городища могут дать чрезвычайно интересные материалы для характеристики взаимодействия местных и античной культур, т. е. для решения того вопроса, который особенно занимает сейчас археологов-антиковедов.

Летом 1950 г. автор этой заметки имел возможность во главе небольшой археологической экспедиции Ростовского областного музея краеведения посетить городища скифского и сарматского времени в дельте Дона и в районе Таганрога. В задачи экспедиции входила осмотр городищ рассматриваемой эпохи на Нижнем Дону, фиксация их современного состояния, составление их описаний, фотографические и топографические работы на городищах, сбор подъемного материала, принятие мер к предотвращению дальнейшего разрушения памятников. Наибольшее внимание было уделено обследованию самого крупного и значительного городища — Недвиговского, но были осмотрены и другие, второстепенные, городища дельты Дона. Одно из последних, очень слабо освещенных в литературе — Сухо-Чалтырское — и является предметом рассмотрения в настоящей заметке.

Сухо-Чалтырское городище было открыто еще И. А. Стемпковским¹ и неоднократно

¹ «Прописан», Сборник статей по классической древности, издаваемый П. П. Леонтьевым, книга IV, (1854), стр. 391—392.